

мых ею завоевателей давало возможность продемонстрировать богатство мыслей, чувств, интонаций. Привычная для моралистической, философской оды темы, попав в атмосферу новой оды зазвучала неузнаваемо — граждански страстно, философски трагично, изумив тем Европу и надолго оставшись любимым произведением французской поэзии.

К формальным особенностям оды «A la Fortune» относится редкое богатство риторическими фигурами: вопросы, восклицания, обращения, призывы — одно сменяет другое, поддерживая постоянное напряжение и давая этим оде необычайную энергию. Другая особенность состоит в насыщенности историческими примерами: апелляция к героям древности и нового времени — единственное, на что опирается в своих сентенциях поэт, к тому же они добавляют оде звучность. Обе эти особенности генетически восходят к торжественной оде, но ее ораторское начало и характерное для нее использование исторических примеров здесь сильно усугублено. Яркость оды «A la Fortune» и определенность ее приемов легко делали ее предметом подражания.²⁸

Самим выбором тем для своих од — клевета, стойкость и лесть — Фридрих определил для себя задачу не уклоняться далеко от французского образца. Ложности и ненадежности Фортуны посвящает свою оду Руссо, рассматривая перипетии судеб исключительно с точки зрения гражданского успеха. Славе, добытой насилием, противопоставляются добродетель, мудрость и стойкость. При этом Руссо обращается к Фортуне, естественно, как к божеству. Темы клеветы и лести решаются Фридрихом также в гражданском плане и несут в себе большие возможности для обличения и негодования, которые он и использует, персонифицируя, подобно Фортуне, лесть и клевету. Еще большее сходство в тематическом плане имеет ода «La Fermeté» («Стойкость»), она просто решается в тех же категориях, что и ода Руссо. Стойкость и величие души только и могут как-то противостоять жестокости судьбы. Однако при всем внешнем сходстве оды Фридриха внутренне далеки от «A la Fortune». Мир, предстающий в них, не рационально ясен, как у Руссо, а мрачен и обречен. Этому способствует, в частности, персонификация лести и клеветы. Вместо пусть жестокой, но любимой всеми Фортуны, его героини (заметим, что и во французском и в немецком языке эти слова женского рода) представляют собой страшных фурий. Используя приемы Руссо (отказ от логической композиции,

---

²⁸ Ibid. P. 156 Из русских подражаний известны оды В. И. Майкова «Счастье» (Утренний свет. 1777. Ч. 1. С. 159) и С. Г. Домашнева «На любовь» (Полезное увеселение. 1762. № 5. С. 141).